

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владимир Железников

ЧУЧЕЛО

Школьная библиотека (Детская литература)

Владимир Железников

Чучело

Издательство «Детская литература»

1981

Железников В. К.

Чучело / В. К. Железников — Издательство «Детская литература», 1981 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Широко известная повесть о жизни современных школьников, о нравственном конфликте, когда девочка взяла на себя чужую вину и, застенчивая, нерешительная, в момент испытаний проявила стойкость и мужество. Для среднего школьного возраста.

© Железников В. К., 1981

© Издательство «Детская литература», 1981

Содержание

Чувствовать чужую боль[1]	6
Чучело	9
Глава первая	10
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Карпович Железников
Чучело
Повесть

В. Железников

Чувствовать чужую боль¹ ***О книгах Владимира Железникова***

Есть детские книги, в которых действуют одни лишь малыши или подростки, а папы и мамы, бабушки и дедушки, воспитатели и учителя совершенно отсутствуют, словно их и в помине нет. Читаешь такие произведения и диву даешься: где это авторы видели, чтобы детский мир существовал в полной изоляции от родителей и родственников, от всего большого мира?! Даже при карантине в детском саду или в школе-интернате дети не живут порознь от взрослых, ибо им никак не обойтись без помощи врачей и воспитателей, без родительской опеки. И совершенно напрасно иные люди считают, что с маленьким читателем следует говорить лишь о маленьких, чисто детских занятиях и переживаниях.

«Жизнь прожить – не поле перейти» – гласит народная мудрость. Множество разных неожиданностей, радостных и горестных, подкарауливает вчерашнего школьника, отправляющегося в первый самостоятельный путь, и горе тому, кто привык смотреть на большой мир как на гладкую и ровную площадку для развлечений, имеет о нем облегченно-книжное и, я бы сказал, опереточное представление. Надо быть готовым дать отпор всему, что мешает справедливости, счастью.

Этому и учит своего читателя по-настоящему добрая и умная детская книга, правдиво раскрывающая перед подростком сложности и противоречия жизни, предостерегающая его от возможных бед и ошибок.

Именно такие книги и пишут многие детские писатели, которые в своем творчестве стремятся во всей правдивости, без приукрашивания и упрощения, открыто и честно, в живых образах показать юному читателю органическую взаимосвязь мира детей с миром взрослых, где не всегда жизнь течет так благодно и гармонично, как хотелось бы, и где с обеих сторон необходимо постоянно проявлять максимум разумных усилий, взаимопонимание и чуткость.

К числу таких писателей принадлежит Владимир Карпович Железников. Его первая книга – сборник рассказов «Разноцветные истории» – вышла в 1960 году. Испытав нелегкую жизненную судьбу, опаленную пламенем войны, писатель свежо и проникновенно воспроизвел в своих рассказах пережитое и узнанное лично им, повел с читателем смелый и откровенный разговор об идейно-нравственном становлении личности ребенка, об умении в любых условиях отстаивать честь и справедливость, ощущать не только свою, но и чужую боль. В качестве эпиграфа к рассказам Железникова очень подошли бы слова Льва Кассиля: «Помни – ты не один. На свете кроме тебя есть другие люди, и они нуждаются в твоей доброте, понимании, мужестве, в твоей защите и помощи».

По сути дела, этот писательский призыв – жить по совести, заступаться за слабых и незащищенно обиженных – стал лейтмотивом всего творчества Владимира Железникова. Во втором его сборнике – «Хорошим людям – доброе утро» (1961) – он прозвучал особенно сильно и впечатляюще. Автор раскрывает перед читателем сердцевину не устоявшегося еще характера хлопчика Василя, сына иеговистки Магды: с помощью старших своих товарищей-комсомольцев Василь решительно порывает с религиозной сектой и становится пионером (рассказ «Да поможет человек!»). Показывает во всей сложности судьбу другого юного героя – маленького Толика, отец которого погиб на фронте, и он бесстрашно защищает отцовскую честь от лживых наветов, строго определяя свое отношение к людям по одному принципу: «Кто верит в папу – хороший, кто нет – плохой» (рассказ «Хорошим людям – доброе утро»). Знакомит нас с мало-

¹ Текст статьи печатается по изданию: Разумневич В. Л. С книгой по жизни. М.: Просвещение, 1986. (Статья печатается в сокращении.)

летними персонажами, оказавшимися в серьезной и, казалось бы, безвыходной ситуации, но нашедшими силы и мужество подавить в себе страх и трусость, преодолеть временную душевную слабость, свои заблуждения (рассказы «Потерянный» и «Вожак»). Каждый рассказ пронизан верой в человека, в его добрые задатки и возможности. Примечательно в этом сборнике, как и в книгах, изданных позже – «Путешествие с багажом» (1963), «Белые пароходы» (1964), «Каждый мечтает о собаке» (1968), умение автора ставить и художественно решать сложнейшие проблемы, вызывающие интерес не только детей, но и взрослых.

У книг этих как бы два слоя. Один – для юного читателя, другой – для взрослого. Они не противостоят друг другу, а образуют единую, целостную повествовательную основу. При этом произведение не утрачивает своей детской специфики, отличительных свойств, присущих лишь детской литературе. Писатель рассказывает читателю-подростку о непростых вещах очень просто, доходчиво и правдиво, ведет серьезный разговор, не унижаясь перед ребенком, художественно глубоко вскрывает суть явлений, противоречивость иных человеческих характеров и драматических событий.

Юные читатели впитывают в себя из книг Железникова то, что для них ново, необходимо и поучительно, поможет найти ответ на труднейшие вопросы, а взрослые обращают внимание прежде всего на особенность детской психологии, с предельной точностью, тонко и обнаженно переданной автором, черпают в произведении широкие познания о тайнах переходного возраста, желая не просто понять своеобразие поведения и умонастроения подростка, но и научиться умению находить с ним общий язык.

В «Чудаке из шестого „Б“» – самой веселой пионерской повести Владимира Железникова – ведется серьезный разговор не только о том, какими должны расти дети, но и как должны поступать в том или ином случае взрослые, ставится и глубоко разрабатывается тема человеческих отношений в семье, в школе, в повседневной жизни.

Но, пожалуй, с наибольшей полнотой и силой писатель исследует эту проблему в повести «Чучело» (1981), где драматизм описанных событий достигает наивысшего накала, вовлекая в острую конфликтную ситуацию детей и взрослых.

Напрочь лишенная каких-либо искусственных сюжетных построений, до предела достоверная и подлинная, повесть бескомпромиссно, сурово и прямо раскрывает юному читателю сложный духовный мир, трагическую судьбу шестиклассницы Ленки Бессольцевой, приехавшей жить к своему дедушке в старый русский городок, что на берегу Оки.

Так девочка оказалась в новой школе, где ее никто не знал. Но зато все знали ее деда, Николая Николаевича, беззаветно преданного искусству. Он тратил последние сбережения и пенсию на покупку картин своего предка – крепостного художника, а сам ходил в стареньком, в заплатках, пальто и получил за это от мальчишек обидное прозвище Заплаточник. Лишь несколько позже поймут они, что Бессольцев-дед, которого все считали чудаковатым бедняком, на самом деле обладал несметными духовными богатствами, был отличным знатоком живописи, истории, жил напряженной, наполненной высокими патриотическими стремлениями жизнью. Пересмотрят ребята и свое отношение к Бессольцевой-внучке, которой сами же дали однажды с легкомысленной поспешностью еще более обидную и незаслуженную кличку – Чучело. Свою ошибку они поймут лишь тогда, когда события, накалившись до предела, вдруг примут совершенно неожиданный оборот, и правым окажется тот, кого считали предателем, а главная вина падет на человека с безупречной, казалось бы, репутацией, находившегося, выражаясь на языке юристов, «вне всяких подозрений».

Читая финал повести, мы непременно вспомним и ее начало, снова откроем первую страницу и прочтем слова, которые сразу же, при первом чтении, наполнили наше сердце тревогой, ожиданием каких-то страшных событий, острым желанием скорее разобраться в ситуации, ввергнувшей Ленку Бессольцеву в отчаяние, принудившей ее бежать из дедушкиного города, от своих одноклассников:

«Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн – вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток – вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

– Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. – Она всхлипывала на ходу. – Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

... Подумать только, что же они с нею сделали! И за что?!»

Читатель, встревоженный трагедией девочки с начальных страниц повести, напряженно следит за развитием действия, пытается, как и Ленка, найти ответ на этот отчаянный вопрос: «За что?» Повествование возвращает читателя назад, постепенно, день за днем воскрешая историю Ленкиной жизни в маленьком городке «где-то между Калугой и Серпуховом», знакомя нас с участниками невеселых событий, отзвук которых, «как колокольный звон, долго еще носился над городком, отзываясь по-разному в жизни тех людей, которые были в них замешаны».

Конфликт, круто изменивший судьбу Ленки, заставляет читателя задуматься над очень многими важными проблемами нравственной жизни, прежде всего – человеческой чести и справедливости. Ленка оказалась в немилости у одноклассников. Они, без всяких на то оснований обвинили девочку в предательстве, объявили ей бойкот и даже грозились избить, всячески унижали ее достоинство. И она, доведенная до иступления насмешками, принимает чужую вину на себя, спасает от бесчестия своего верного, как ей казалось, друга Димку Сомова. В душе она надеялась, что умный, справедливый Димка сам во всем признается, восстановит справедливость по отношению к ней. Но друг оказался трусливым и малодушным человеком. У него не хватило смелости сразу признаться в своем проступке, уберечь Ленку от злобного навета. Он слишком долго молчал, а когда события приняли критический оборот, совершил более грязное предательство – переметнулся на сторону недругов девочки. И это привело к краху последних надежд Лены, утере доверия к Димке, ко всему коллективу. В конце концов одноклассники узнают, кто прав, а кто виноват, поймут и высоко оценят благородство Ленки Бессольцевой и выскажут свое презрение Димке Сомову – за его душевную трусость, за двоедушие. Правда восторжествует, но слишком поздно. Боль, нанесенная человеческой несправедливостью и жестокостью, не затихнет в сердце девочки. Такое не забывается.

Острая, местами даже накаленная до глубокого трагизма, повесть «Чучело» предостерегает юного читателя от поспешности в суждениях о том или ином члене коллектива, учит бережному, чуткому отношению к каждому человеку. Писатель осуждает жестокость и беспринципность, бездушие и черствость, решительно отстаивает высокие нравственные законы человеческого благородства и сострадания, рыцарского отношения к людям.

«И тоска, такая отчаянная тоска по человеческой чистоте, по бескорыстной храбрости и благородству, все сильнее и сильнее захватывала их сердца и требовала выхода», – говорит автор в конце повести о своих юных героях, для которых события, описанные в книге, послужили серьезным нравственным уроком на всю жизнь.

Такие же добрые чувства пробуждает в читателе не только повесть «Чучело», но и все другие книги Владимира Железникова. Они учат чувствовать чужую боль, как свою собственную.

В. Л. Разумневич

Чучело

Повесть

Глава первая

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн – вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток – вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

– Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. – Она всхлипывала на ходу. – Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

– Вот ненормальная! – кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. – Летит, как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над этим городком – и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали ее радость и успокоение.

Потом стремительно скатывалась вниз, словно хотела снести себе голову. Она и в самом деле была готова на какой-нибудь отчаянный поступок, не щадя себя.

Подумать только, что же они с нею сделали! И за что?!

Глава вторая

Ленкин дед, Николай Николаевич Бессольцев, уже несколько лет жил в собственном доме в старом русском городке на берегу Оки, где-то между Калугой и Серпуховом.

Это был городок, каких на нашей земле осталось всего несколько десятков. Ему было больше восьмисот лет. Николай Николаевич хорошо знал, высоко ценил и любил его историю, которая, как живая, вставала перед ним, когда он бродил по его улочкам, по крутым берегам реки, по живописным окрестностям с древними курганами, заросшими густыми кустарниками жимолости и березняком.

Городок за свою историю пережил не одно бедствие.

Здесь над самой рекой, на развалинах старого городища, стоял когда-то княжеский двор, и русская дружина насмерть дралась с несметными полчищами ханских воинов, вооруженных луками и кривыми саблями, которые с криками: «Та Русь! Та Русь!...» – на своих низкорослых крепких конях пытались переправиться с противоположного берега на этот, чтобы разгромить дружину и прорваться к Москве.

И Отечественная война 1812 года задела городок своим острым углом. Армия Кутузова тогда пересекала его вереницей солдат и беженцев, повозок, лошадей, легкой и тяжелой артиллерии со всевозможными мортирами и гаубицами, с запасными лафетами и полевыми кузницами, превратив и без того худые местные дороги в сплошное месиво. А потом по этим же дорогам русские солдаты с невероятной, почти нечеловеческой отвагой, не щадя живота своего, днем и ночью, без передыха гнали измученных французов обратно, хотя совсем было непонятно, откуда они взяли силы. После такого длинного отступления, голода и эпидемий.

И отсвет завоевания Кавказа русскими коснулся городка – где-то здесь в великой печали жил пленный Шамиль и горцы, которые его сопровождали. Они слонялись по узким улочкам, и их безумный тоскующий взор напрасно искал на горизонте гряды гор.

А первая империалистическая как буря унесла из городка всех мужчин и вернула их наполовину калеками – безрукими, безногими, но злыми и бесстрашными. Свобода была дороже им собственной жизни. Они-то и принесли революцию в этот тихий, маленький городок.

Потом, много лет спустя, пришли фашисты – и прокатилась волна пожаров, виселиц, расстрелов и жестокого опустошения.

Но прошло время, окончилась война, и городок вновь возродился. Он стоял теперь, как и прежде, размашисто и вольно на нескольких холмах, которые крутыми обрывами подступали к широкой излучине реки.

На одном из таких холмов и возвышался дом Николая Николаевича – старый, сложенный из крепких бревен, совершенно почерневших от времени. Его строгий, простой мезонин с прямоугольными окнами затейливо украшали четыре балкончика, выходящие на все стороны света.

Черный дом с просторной, открытой ветрам террасой был совсем не похож на веселые, многоцветно раскрашенные домики соседей. Он выделялся на этой улице, как если бы суровый седой ворон попал в стаю канареек или снегирей.

Дом Бессольцевых давно стоял в городке. Может быть, более ста лет.

В лихие годы его не сожгли.

В революцию не конфисковали, потому что его охраняло имя доктора Бессольцева, отца Николая Николаевича. Он, как почти каждый доктор из старого русского городка, был здесь уважаемым человеком. При фашистах он устроил в доме госпиталь для немецких солдат, а в подвале в это время лежали раненные русские, и доктор лечил их немецкими лекарствами. За это доктор Бессольцев и был расстрелян, здесь же, посреди своего широкого двора.

На этот раз дом спасло стремительное наступление Советской Армии.

Так дом стоял себе и стоял, всегда переполненный людьми, хотя мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не всегда возвращались.

Многие из них остались лежать где-то в безвестных братских могилах, которые печальными холмами разбросаны повсеместно в Центральной России, и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и во многих других местах нашей земли.

До приезда Николая Николаевича в доме жила одинокая старуха, одна из Бессольцевых, к которой все реже и реже наезжали родственники – как ни обидно, а род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу. Но все же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом две доски на калитку и ушли.

Впервые дом оглох и ослеп.

Вот тут-то и появился Николай Николаевич, который не был в городке более тридцати лет.

Он только недавно похоронил свою жену и сам после этого тяжело заболел.

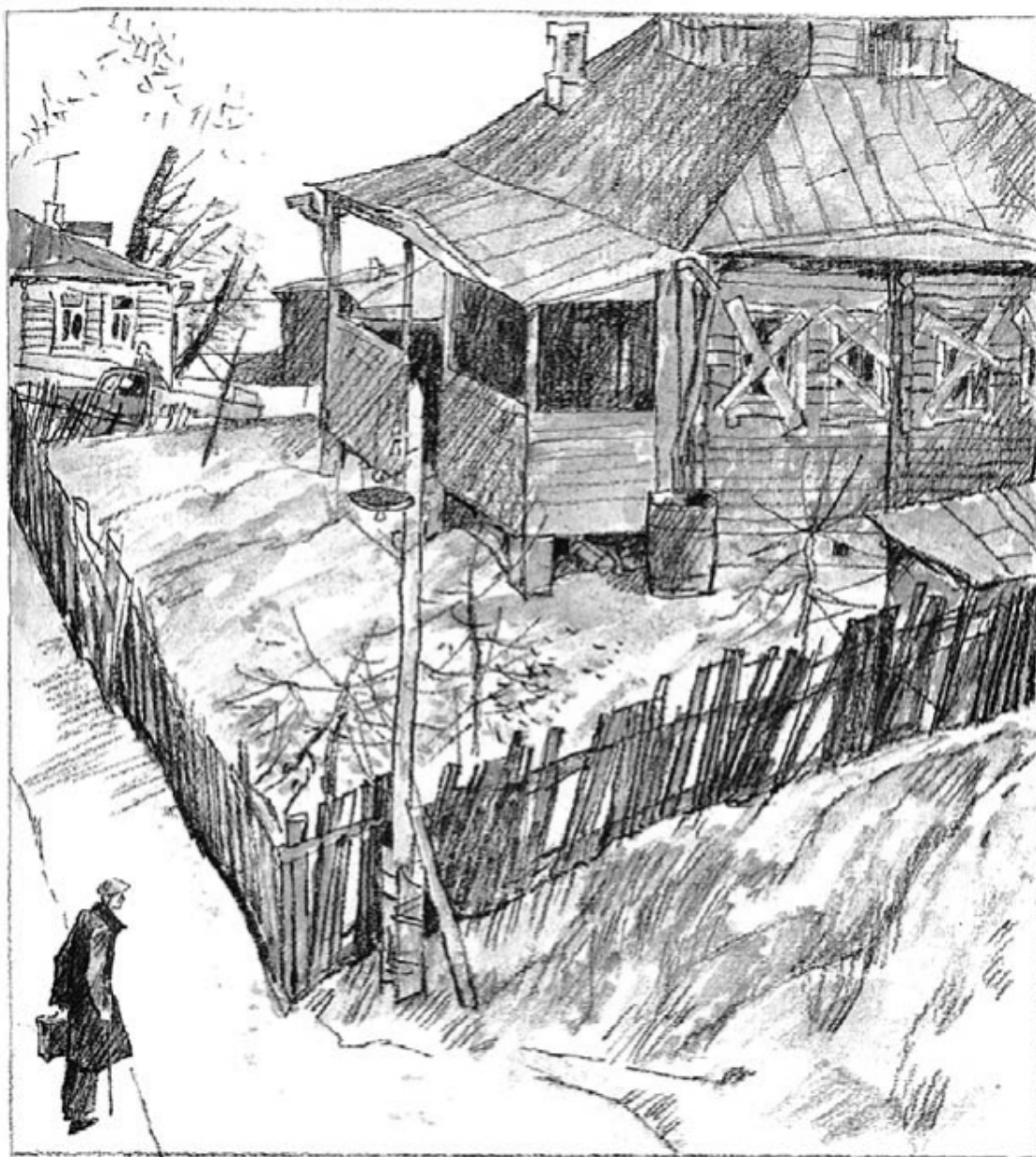
Николай Николаевич не боялся смерти и относился к этому естественно и просто, но он хотел обязательно добраться до родного дома. И это страстное желание помогло ему преодолеть болезнь, снова встать на ноги, чтобы двинуться в путь. Николай Николаевич мечтал попасть в окружение старых стен, где длинными бессонными ночами перед ним мелькали бы вереницы давно забытых и вечно памятных лиц.

Только стоило ли ради этого возвращаться, чтобы на мгновение все это увидеть и услышать, а потом навсегда потерять?

«А как же иначе?» – подумал он и поехал в родные края.

В страшные часы своей последней болезни, в это одиночество, а также в те дни, когда он буквально погибал от военных ран, когда нет сил ворочать языком, а между ним и людьми появлялась временная полоса отчуждения, голова у Николая Николаевича работала отчетливо и целеустремленно. Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть с вечностью...

Целый год до его приезда дом простоял заколоченный. Его поливали дожди, на крыше лежал снег, и никто его не счищал, поэтому крыша, и так уже давно не крашенная, во многих местах прохудилась и проржавела. А ступени главного крыльца совсем прогнили.

Когда Николай Николаевич увидел свою улицу и свой дом, сердце у него заколотилось так сильно, что он испугался, что не дойдет. Он постоял несколько минут, отдышался, твердым военным шагом пересек улицу, решительно оторвал крест от калитки, вошел во двор, отыскал в сарае топор и стал им отрывать доски от заколоченных окон.

Неистово работая топором, забыв впервые о больном сердце, он думал: главное – отколлотить доски, открыть двери, распахнуть окна, чтобы дом зажил своей постоянной жизнью.

Николай Николаевич закончил работу, оглянулся и увидел, что позади него, скорбно сложив на груди руки, стояли несколько женщин, обсуждающих его, прикидывая, кто бы из Бессольцевых мог это быть. Но они все были еще так молоды, что не могли знать Николая Николаевича. Перехватив его взгляд, женщины заулыбались, сгорая от любопытства и желания поговорить с ним, но он молча кивнул всем, взял чемоданчик и скрылся в дверях.

Николай Николаевич ни с кем не заговорил не потому, что был так нелюдим, просто каждая жилка дрожала у него внутри при встрече с домом, который был для него не просто дом, а его жизнь и колыбель.

По памяти дом всегда казался ему большим, просторным, пахнущим теплым воздухом печей, горячим хлебом, парным молоком и свежевывмытыми полами. И еще когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сестры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тети, а еще и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах.

Это были бабы и мужики в домотканых одеждах, со спокойными и строгими лицами.

Дамы и господа в причудливых костюмах.

Женщины в расшитых золотом платьях со шлейфами, со сверкающими диадемами в высоких прическах. Мужчины в ослепительно белых, голубых, зеленых мундирах с высокими стоячими воротниками, в сапогах с золотыми и серебряными шпорами.

Портрет знаменитого генерала Раевского, в парадном мундире, при многочисленных орденах, висел на самом видном месте.

И это чувство, что «люди с картин» на самом деле живут в их доме, никогда не покидало его, даже когда он стал взрослым, хотя, может быть, это и странно.

Трудно объяснить, почему так происходило, но, будучи в самых сложных переделках, в предсмертной агонии, на тяжелой кровавой работе войны, он, вспоминая дом, думал не только о своих родных, которые населяли его, но и о «людях с картин», которых он никогда не знал.

Дело в том, что прапрадед Николая Николаевича был художник, а отец, доктор Бессольцев, отдал многие годы своей жизни, чтобы собрать его картины. И сколько Николай Николаевич себя помнил, эти картины всегда занимали главное место в их доме.

Николай Николаевич отворил дверь с некоторой опаской: вдруг там что-нибудь непоправимо изменилось? И он оказался прав – стены дома были пусты, исчезли все картины!

В доме пахло сыростью и затхлостью. На потолке и в углах была паутина. Многочисленные пауки и паучки, не обращая на него внимания, продолжали свою кропотливую искусную работу.

Полевая мышка, найдя приют в брошенном доме, как цирковой канатоходец, несколько раз весело пробежала по проволоке, которая осталась на окне от занавесей.

Мебель была сдвинута со своих привычных мест и зачехлена старыми чехлами.

Страх и ужас до крайней степени овладели Николаем Николаевичем – подумать только, картины исчезли! Он попробовал сделать шаг, но поскользнулся и еле устоял: пол был покрыт тонким слоем легкого инея. Тогда он заскользил дальше, как на лыжах, оставляя длинные следы по всему дому.

Еще комната!

Еще!

Дальше!

Дальше!..

Картин нигде не было!

И только тут Николай Николаевич вспомнил: сестра писала ему в одном из последних писем, что сняла все картины, увернула их в мешковину и сложила на антресоли в самой сухой комнате.

Николай Николаевич, сдерживая себя, вошел в эту комнату, влез на антресоли и дрожащими руками стал вытаскивать одну картину за другой, боясь, что они погибли, промерзли или отсырели.

Но произошло чудо – картины были живы.

Он с большой нежностью подумал о сестре, представив себе, как она снимала картины, прятала их, чтобы сохранить. Как она, несильная, усохшая с годами, аккуратно упаковала каждую картину. Видно, трудилась целыми днями не один месяц, исколола себе все руки иголкой,

пока зашивала грубую мешковину. Один раз упала с полатей – да она писала ему и об этом, – отлежалась и вновь паковала, пока не закончила своей последней в жизни работы.

Теперь, когда картины нашлись, Николай Николаевич взялся за дом. Первым делом он затопил печи, а когда стекла окон запотели, отворил их настежь, чтобы вышла из дома сырость. А сам все подкладывал и подкладывал в печи дрова, замороженный пламенем и гулом огня. Потом он вымыл стены, принес стремянку, добрался до потолков и наконец, меняя несколько раз воду, выскоблил тщательно полы, половицу за половицей.

Постепенно всем своим существом Николай Николаевич почувствовал тепло родных печей и привычный запах родного дома – он радостно кружил ему голову.

Впервые за последние годы Николай Николаевич освобожденно и блаженно вздохнул.

Вот тогда-то он снял чехлы с мебели и расставил ее. И наконец развесил картины... Каждую на свое место.

Николай Николаевич огляделся, подумал: что бы сделать еще? – и вдруг понял, что ему больше всего хочется сесть в старое отцовское кресло, которое называлось волшебным словом «вольтеровское». В детстве ему не разрешалось этого делать, а как хотелось забраться на него с ногами!..

Николай Николаевич медленно опустился в кресло, откинулся на мягкую спинку, облокотился на подлокотники и просидел так неизвестно сколько времени. Может быть, час, а может быть, три, а может, остаток дня и всю ночь...

Дом ожил, заговорил, запел, зарыдал... Множество людей вошли в комнату и окружили кольцом Николая Николаевича.

Николай Николаевич думал о разном, но каждый раз возвращался к своей тайной мечте. Он думал о том, что когда он умрет, то здесь поселится его сын с семьей.

И видел воочию, как сын входит в дом. И конечно, невидимые частицы прошлого пронзят и прогреют его тело, запульсируют кровью, и он уже никогда не сможет забыть родного дома. Даже если уедет в одну из своих экспедиций, где будет искать редчайшие цветы, взбираясь высоко в горы и рискуя сорваться в пропасть, только затем, чтобы посмотреть на едва заметный бледно-голубой цветок на тонком стебельке, который растет на самом краю отвесной скалы.

Нет, Николай Николаевич как раз понимал: жизнью надо рисковать непременно, иначе что же это за жизнь – это какое-то бессмысленное спанье и обжирание. Но все же он мечтал о том, чтобы сын его вернулся домой или возвращался, чтобы снова уезжать, как это делали прочие Бессольцевы в разные годы по разным поводам.

Когда он очнулся, лучи солнца радужным облачком клубились в доме и падали на портрет генерала Раевского. И тогда Николай Николаевич вспомнил, как он в детстве ловил первые солнечные лучи на этой же картине, и грустно и весело рассмеялся, подумав, что жизнь безвозвратно прошла.

Николай Николаевич вышел на крыльцо и увидел, что солнце осветило балкончик, который выходил на восток, и двинулось, чтобы сделать еще одно кольцо вокруг дома.

Он взял топор, нашел рубанок и пилу, отобрал несколько досок, чтобы починить крыльцо. Как он давно этим не занимался, хотя видно – эта работа крепко «сидела» у него в руках. Он делал все не очень ловко, но с большой охотой: ему нравилось держать обыкновенную доску, нравилось скользить по ней рубанком, и городская суэта многих последних лет незримо уходила из его сознания.

Дом ему скажет за это спасибо, подумал Николай Николаевич, и он скажет спасибо дому.

Потом Николай Николаевич взобрался на крышу, и лист железа, поднятый ветром, ударил его по спине так сильно, что чуть не сбил с крыши – он чудом удержался...

Вот тут он впервые почувствовал острый голод, такой у него бывал только в юности, когда он от голода мог потерять сознание. И неудивительно. Николай Николаевич не знал, сколько

прошло времени, как он приехал, не помнил, что он ел и ложился ли спать. Он работал по дому и не замечал мелькания коротких зимних дней. Раннее утро он не отличал от позднего вечера.

Николай Николаевич пошел на базар, купил квашеной капусты, картошки, сухих черных грибов и сварил кислые грибные щи. Съел две тарелки и лег спать.

Встал, по-прежнему не ощущая времени, снова съел щей, звонко рассмеялся, ловя себя на мысли, что узнаёт в интонациях своего смеха смех отца, и снова почему-то лег спать...

С тех пор прошло несколько лет, и Николай Николаевич забыл про свои болезни. Он жил, жил и чувствовал, что стал вынослив, как крепкое старое дерево, хорошо политое весенним дождем.

Его то и дело видели не по возрасту стремительно бегущим по кривым улочкам городка то в одну сторону, то в другую, очевидно без всякого дела, хотя иногда он нес что-нибудь завернутое в материю, – тогда лицо его вдохновенно светилось и молодело.

Те, кто считались сведущими, судачили, что он ищет какие-то картины. Тратит на них уйму денег, а оставшиеся, все без остатка, отдает за дрова. И топит – подумать только! – все

печи каждый день, а в морозы и по два раза, чтобы эти его картины не отсырели. И всегда почему-то ночью, зажигая свет во всех комнатах.

Сколько же у него деньжищ уходило зазря: легким дымом через печные трубы в небо, ярким светом электричества в ночь, а главное, на новые картины – мало ему было своих!

Вот поэтому и гол как сокол.

В городке относились к Николаю Николаевичу с настороженным вниманием.

То, как он жил, горожанам было непонятно и недоступно, но у многих вызывало уважение. И между прочим, люди привыкли к тому, что дом Бессольцевых светился ночью и стал в городке своеобразным маяком, ориентиром для запоздалых путников, издали возвращавшихся в темноте домой.

Ночью дом был как свеча в непроглядной мгле.

Соседи могли подумать про Николая Николаевича, что он до ужаса одинок и поэтому несчастен. Он вечно бродил по городку один, в неизменной кепке, которую носил, низко сдвинув на лоб, и в потертом пальто с большими аккуратными заплатками на локтях.

За это дети дразнили его «заплаточником», но, кажется, он их даже не замечал. Редко-редко он вдруг оглядывался и смотрел им вслед с нескрываемым удивлением. Тогда они стремительно уносились от него, хотя он никогда не ругался и не гнался за ними.

Если с ним вступали в праздные разговоры, то он отвечал односложно и быстро уходил прочь, нахохлившись, как птица на холоде.

Но однажды Николай Николаевич появился на улицах городка не один. Он шел в сопровождении девочки лет двенадцати, какой-то необычно важный и гордый, непохожий на себя. Останавливался с каждым встречным-поперечным и произносил одну и ту же фразу, показывая на девочку: «А это Лена... – И, внушительно помолчав, добавлял: – Моя внучка». Ну как будто рядом с ним была не девчонка, а какая-нибудь всемирно известная величина.

А внучка его, Ленка, каждый раз отчаянно смущалась и не знала, куда деваться.

Она была нескладным подростком, еще теленком на длинных ногах, с такими же длинными нелепыми руками. На спине у нее торчали, как крылышки, лопатки. Подвижное лицо украшал большой рот, с которого почти никогда не сходила доброжелательная улыбка. А волосы были заплетены в два тугих канатика.

В первый же день своего появления в городке Ленка раз по сто появлялась на каждом из четырех балкончиков и с любопытством смотрела на все четыре стороны света. Ее в равной степени интересовали и север, и юг, и восток, и запад.

Жизнь Николая Николаевича после приезда Ленки почти не изменилась. Правда, теперь в магазин за творогом и молоком бегала Ленка, а сам он изредка покупал на базаре мясо, что раньше за ним не водилось.

Осенью Ленка пошла в шестой класс.

Вот тогда-то и произошла эта история, которая навсегда сделала Бессольцевых – Николая Николаевича и Ленку – знаменитыми людьми. Отзвук этих событий, как колокольный звон, долго еще носился над городком, отзываясь по-разному в жизни тех людей, которые были в них замешаны.

Глава третья

Весь городок был усыпан опавшими листьями: сады, дворы, тротуары, крыши домов. И даже небольшая площадь, именуемая главной, расположенная между универмагом, бывшим собором, и магазином «Хозтовары», сплошь была покрыта сухим и ломким листом.

Единственная уборочная машина и не думала бороться с этим невиданным листопадом.

Ее шофер Петька, молодой нахальный парень, открыв дверцу кабины и свесив наружу ноги в громадных болотных сапогах, курил «Беломор» в ожидании частных просителей, которым надо было что-то подбросить из магазина домой.

Грачи готовились в дальнюю дорогу. Несметными стаями носились они над городком, криками сгоняя с деревьев ленивых птенцов, присевших не вовремя отдохнуть.

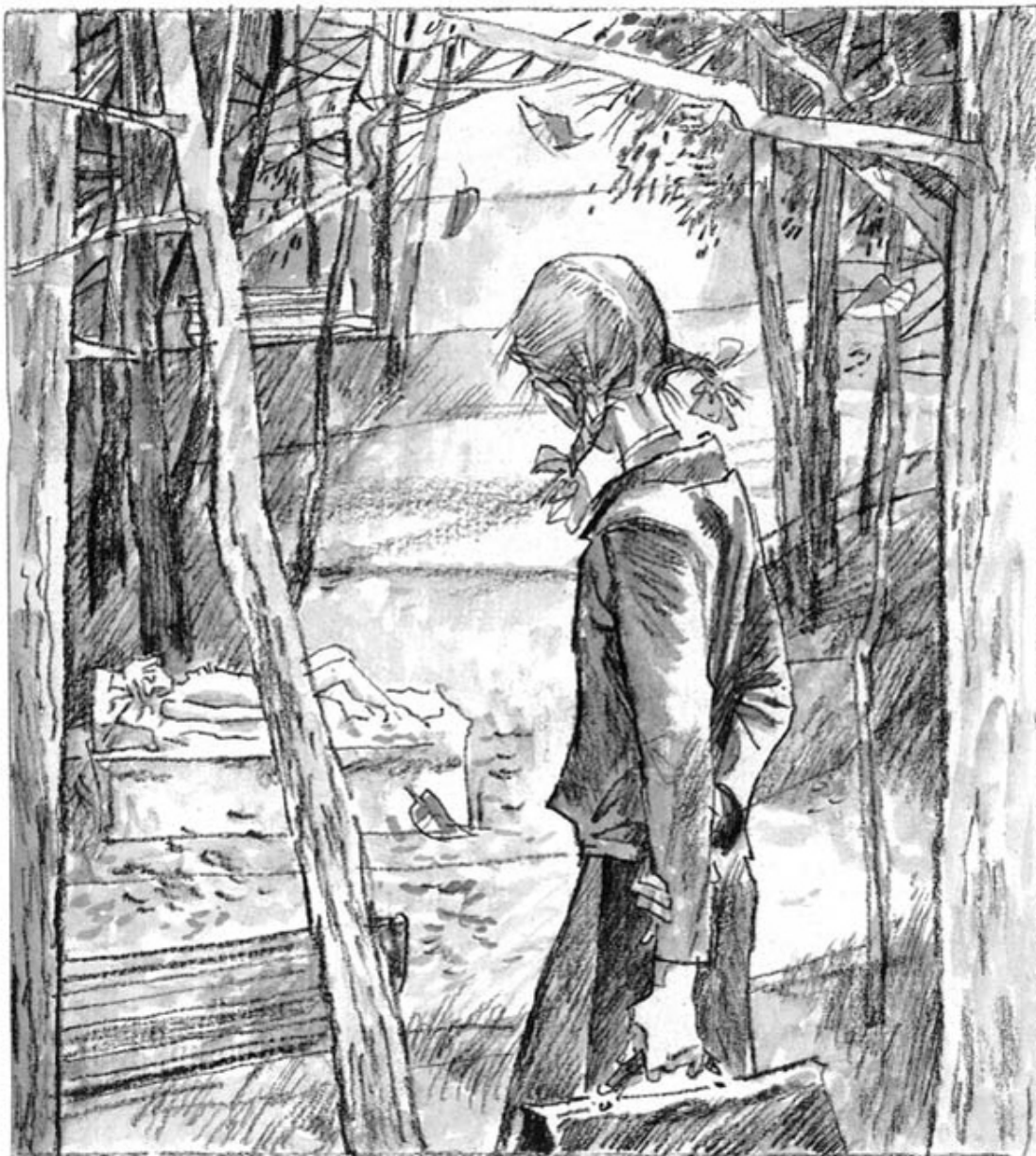
Ока вздулась и потемнела от осеннего паводка, хотя по ней еще шустро бегали последние катера. Старый паром вытащили на берег и крепко-накрепко привязали к древним могучим ветлам, чтобы его не унес неудержимый весенний разлив.

И в этой кутерьме Ленка целыми днями носилась по городу. Она не уставала удивляться странностям жизни: грачи улетали, чтобы обязательно вернуться; паром вытаскивали из воды, чтобы весной вновь опустить на реку; деревья опадали, чтобы снова обрасти молодыми и крепкими листьями. Вот такая у нее была славная и интересная жизнь.

И вдруг все это перестало существовать. Она не слышала голоса людей, не видела, куда ведут ее дороги, не замечала, что ест и что пьет.

Случилось это в начале ноября, во время осенних каникул, а закончилось в первый школьный день. Всего-то несколько дней и продолжалась эта история, а жизнь Ленке перевернула.

В тот день Ленка долго бродила по городку, пока не оказалась в тополиной рощице около скульптуры «Уснувший мальчик».

Мальчик лежал на спине, слегка подогнув ноги, вытянув руки вдоль тела и склонив голову к плечу.

Он всегда был грустным, а сегодня показался Ленке на редкость печальным. Может быть, оттого, что слишком низко висели над землей тучи, или оттого, что на душе у Ленки было тревожно.

Только она почувствовала себя одинокой и никому здесь не нужной, и ей захотелось немедленно уехать из этого городка...

Николай Николаевич, мало что замечая вокруг, занимался своим любимым делом. Он стоял на табурете и легкими движениями мягкой волосяной щетки смахивал невидимые пылинки с картин. Это занятие было ему так по сердцу, что он даже напевал себе под нос. И когда в комнату вбежала Ленка, то он сначала не заметил, что она чем-то сильно возбуждена, что куртка у нее нараспашку, губы крепко сжаты, а в глазах отчаяние.

Ленка одним махом вытряхнула из портфеля учебники и тетради и начала беспорядочно впихивать в него свои вещи, которые попадались ей на глаза.

– Тише!.. Тише!.. Безумная! – Николай Николаевич провел щеткой по золотому эполету Раевского. – Лучше оглянись вокруг! Посмотри, какая тебя окружает красота. Этим картинам больше ста лет, а они с каждым годом делаются все прекрасней и прекрасней...

Ленка, не обращая внимания на дедушку, продолжала лихорадочно собираться.

– Ничего ты в этом не смыслишь, скажу я тебе, Елена, хотя и не глупая девица. – Николай Николаевич грустно покачал головой. – Ну что ты топаешь как слон, только пыль выбиваешь из досок.

– Дай мне денег на дорогу, – сказала Ленка, торопливо застегивая портфель.

– А ты далеко собралась? – Теперь Николай Николаевич провел щеткой по многочисленным орденам генерала.

– Я уезжаю.

– А почему в такой спешке? – Он улыбнулся, и лицо его от этого непривычно помолодело. – Ты что, покидаешь тонущий корабль?

– У Димки Сомова сегодня день рождения, – в отчаянии ответила Ленка.

– А тебя не пригласили, и поэтому ты решила уехать? Несерьезный ты человек, Елена. Суетишься. Переживаешь всякую ерунду... Бери пример с генерала Раевского...

– Дедушка, дай мне, пожалуйста, денег на билет, – жалобно перебила Ленка.

– А куда ты едешь, если не секрет? – Николай Николаевич впервые внимательно посмотрел на Ленку.

– К родителям, – ответила Ленка.

Портфель расстегнулся, и она со злостью вновь его застегнула.

– К родителям?! – Вот тут Николай Николаевич забыл про свои картины и соскочил с табурета. – И не думай!.. – Он погрозил ей пальцем. – Ишь ты выдумала! Чтобы я отсюда? Никуда!.. Никогда!.. Ни ногой!

– А ты мне не нужен! – крикнула Ленка. – Я сама уеду! Одна!

– А кто тебя отпустит?... Какая самостоятельная! Они тебя привезли, они пусть и увозят. – Николай Николаевич провел блуждающим взором по картинам и сказал тихо-тихо: – Пойми, я только этим и жив. – Он протянул руку к Ленке: – Отдай портфель.

Ленка отскочила, стала по другую сторону стола и крикнула:

– Дай денег!

– Никуда! Ты поняла?... Никуда ты не поедешь! – ответил Николай Николаевич. – И оставим в покое эти глупости.

– Дай денег! – Ленка стала как бешеная. – А не то... я что-нибудь украду и продам.

– В нашем-то доме? – Николай Николаевич рассмеялся.

Смех Николая Николаевича обидел Ленку. Она беспомощно оглянулась, ища выхода из положения, и вдруг крикнула:

– Я твою картину украду! – Бросила портфель и в лихорадке начала снимать со стены картину, которая висела к ней ближе других.

– Картину?! – Николай Николаевич неожиданно быстро подошел к Ленке и отвесил ей такую пощечину, что она отлетела в угол комнаты, а сам в ужасе отступил.

Ленка подхватила портфель и рванулась к двери. Николай Николаевич успел ее схватить. Она укусила его за руку, вырвалась и убежала.

– Я тебе все равно не дам денег! – крикнул он ей вслед, натягивая пальто. – Не дам!.. Елена, остановись!.. Вот бешеная! – И, торопясь, не попадая рукой в рукава пальто, выбежал из дома.

Глава четвертая

А в это время веселый шестиклассник Валька мчался по берегу реки, никак не рассчитывая на то, что вечером ему приклеят позорную кличку Живодер. Он был одет по-праздничному: в чистой рубашке и при галстуке. В руке крутил собачий поводок с ошейником, а носком сапога все время сшибал пустые консервные банки, разбросанные еще с лета там и сям нахальными туристами. Он старался попасть в птиц и кур, тихо блуждающих в кустарнике, или в котов, мирно лоящих последние лучи осеннего солнца. И если ему удавалось поразить какую-нибудь цель, то собственная ловкость вызывала в нем прилив бурной радости.

Валька затормозил около старого дуба – из его дупла торчали две мальчишеских головы.

– Вы что там делаете, мелюзга несчастная? – строго спросил Валька.

– Мы ничего, – испуганно ответили те. – Мы в пожарников играем.

– А ну вылазь! – Валька выразительно хлопнул поводком по голенищу резинового сапога, как какой-нибудь американский плантатор из девятнадцатого века, хотя, между прочим, ничего не знал про них, ибо плохо разбирался в науке под названием история. – Собирай листья! Засовывай их в дупло! Живо!! Пошевеливайся!..

Мальчишки, ничего не понимая, собирали в охапку листья и засовывали их в дупло. Но вот они набили его доверху, Валька чиркнул спичкой и... бросил ее в дупло на листья – те тут же занялись пламенем.

– Ты что?! – взбунтовались мальчишки и бросились к дереву.

Но Валька перехватил их и не отпускал, пока пламя не разгорелось, хотя они бились у него в руках и ревели. Потом с криком: «Вперед!.. На пожар!.. Пожарники!..» – выпустил и удалился.

Так он шел по земле, издавая вопли восторга, оставляя позади себя крики возмущенных жертв.

Валька спешил на встречу со своими друзьями, чтобы идти на день рождения к Димке Сомову. Он еще издали увидел их: Лохматого и Рыжего – они сидели на скамейке у речной пристани, – подскочил к ним, с размаху бухнулся рядом и спросил:

– Ну что, баламуты, жрать охота? – Зашелся мелким смехом и добавил: – И мне тоже!.. Как подумаю про сомовские пироги, слюнки текут.

– А я меду с молоком навернул, – ответил Лохматый и мечтательно добавил: – Липа в этом году долго цвела – мед вкусный.

– А мне бабка ничего не дала... – вздохнул Валька. – Чего, говорит, переводить продукт, раз ты в гости идешь.

– Хитрая у тебя бабка, – сказал Лохматый.

– Хитрая-то хитрая, а свою жизнь под откос пустила, – ответил Валька. – Ни кола ни двора. Вот Сомову хорошо. В рубашке родился. И родители деньгу зашибают, и красавчик, и голова работает на пятерки... Так и хочется ему мордочку почистить.

– Завидуешь ты, Валька, – сказал Лохматый.

– А ты нет?... – Валька усмехнулся. – Чего там... Все люди лопаются от зависти. Только одни про это говорят, а другие врут, что они не завистливые.

– А мне-то чего завидовать? – удивился Лохматый. – Нам в лесничестве хорошо. Воля. И вообще я кого хочешь в бараний рог согну.

– Ну и что? – Валька презрительно сплюнул. – Сила – не деньги. На нее масла не купишь. Лохматый неожиданно схватил Вальку одной рукой за шею и крепко сжал.

– Отпусти! – завопил Валька.

– Рыжий, что главное в человеке? – спросил Лохматый.

– Сила! – встрепенулся Рыжий, выходя из глубокой задумчивости.

– А Валька ее не уважает, – сказал Лохматый. – Говорит, главное в человеке зависть.
– Отпусти! – вопил Валька. – Уважаю я силу!.. Уважаю! Отпусти! Задушишь!..

Лохматый разжал руку и освободил Вальку. Тот на всякий случай отбежал в сторону.

– Натрескался меду! – Валька потер шею. – Силища как у трактора. Не в отца... – Он что-то в злости хотел еще добавить, но передумал.

– Ты моего отца не трожь, – угрюмо ответил Лохматый. – Он у меня весь изрешеченный и битый-перебитый всякой сволочью.

– Смотрите! Шмакова идет! – сказал Рыжий. – Ну выступает!

Лохматый и Валька оглянулись и обалдели.

Шмакова была не одна, ее сопровождал Попов, но все смотрели на нее. Она не шла, а несла себя, можно сказать, плыла по воздуху. Попов рядом с нею был неказистым и неловким, потому что Шмакова нарядилась в новое белое платье, в новые белые туфли и повязала волосы белой лентой. Не по погоде, конечно, зато она блистала во всем своем великолепии.

– Ну, Шмакова, ты даешь! – простонал Валька. – Тебя же в этих туфельках на руках надо нести.

– Артистка эстрады, – сказал Лохматый.

– Сомов упадет, – констатировал Рыжий.

– А мне на Сомова наплевать, – пропела Шмакова, очень довольная собой.

– Что-то незаметно, – сказал Лохматый.

– Хи-хи-хи! – вставил Валька.

– Ха-ха-ха! – присоединился к ним Рыжий.

Попов посмотрел на Шмакову, его круглая курносая физиономия приобрела жалобное выражение.

– Ребя, не надо, а? – попросил Попов. – Лучше пошли к Сомову.

Все радостно заорали, что пора к Сомову, но Лохматый перебил их и сказал, что надо подождать Миронову.

– Наплевать нам на Миронову, – расхрабрился Валька. – Кто она такая – Миронова?... Кнопка.

– Железная, – наставительно вставил Рыжий.

– Кому сказано – подождем Миронову! – грозно повторил Лохматый.

– Конечно, подождем, – испуганно согласился Валька. – Да и Васильева еще нет.

И тут появился Васильев – худенький мальчик в очках.

– А меня ждать не надо, – сказал Васильев. – Я к Сомову не пойду.

– Почему? – раздался чей-то голос.

Все оглянулись и увидели Миронову. Она была, как всегда, аккуратно причесана и подчеркнута скромно одета. Под курткой у нее было самое обыкновенное форменное коричневое платье.

– Привет, Миронова, – сказал Лохматый.

– Здорово, Железная Кнопка, – угодливо вставил Валька.

Миронова им не ответила. Она не спеша прошла вперед и встала перед Васильевым.

– Так почему ты, Васильев, не пойдешь к Сомову? – спросила она.

– На хозяйство брошен, – неуверенно ответил Васильев и поднял над головой авоську с продуктами.

– А если честно?

Васильев молчал; толстые стекла очков делали его глаза большими и круглыми.

– Ну что же ты молчишь? – не отставала от него Миронова.

– Неохота мне к Сомову. – Васильев с вызовом посмотрел на Железную Кнопку. – Надоел он мне.

– Надоел, говоришь? – Миронова выразительно посмотрела на Лохматого.

Тот двинулся вперед – за ним остальные. Они окружили Васильева.

– А за измену идеалам знаешь что полагается? – строго спросила Миронова.

– Что? – Васильев посмотрел на нее круглыми глазами.

– А вот что! – Лохматый развернулся и ударил Васильева.

Удар был сильный – Васильев упал в одну сторону, а очки его отлетели в другую. Он уронил авоську и рассыпал продукты.

Все ждали, что будет дальше.

Васильев встал на четвереньки и начал шарить рукой в поисках очков. Ему было трудно, но никто ему не помогал – его презирали за измену идеалам. А Валька наступил тяжелым сапогом на очки, и одно стекло хрустнуло.

Васильев услышал этот хруст, дополз до Валькиной ноги, оттолкнул ее, поднял очки, встал, надел их и посмотрел на ребят: теперь у него один глаз был круглый и большой под стеклом, а второй сверкал маленькой беспомощной голубой точкой.

– Озверели вы! – с неожиданной силой закричал Васильев.

– Иди ты!.. – Лохматый толкнул его. – А то получишь добавку!

Васильев запихивал в авоську рассыпанные продукты.

– Дикари! – не унимался он. – До добра это вас не доведет!

Лохматый не выдержал и рванул за Васильевым, а тот дал деру под общий довольный смех.

– Поредело в нашем полку... – сказал Рыжий.

– Зато мы едины, – резко оборвала Миронова.

– Будем дружно, по-пионерски уплетать сомовские пироги! – рассмеялся Валька.

– Все шутишь, – перебила его Миронова. – А мы ведь о серьезном.

Они уже уходили крикливой, пестро одетой стайкой, когда глазастая Шмакова увидела Маргариту Ивановну, их классную.

– Маргарита, – сказала она.

– В джинсах, – заметил Валька. – Оторвала в Москве. Небось на свадьбу подарили.

– Махнем через изгородь? – предложил Рыжий. – А то начнет воспитывать... Праздник испортит.

– Не буду я никуда прыгать, – сказала Миронова. – Себя уважать надо.

– Лучше спрячемся и испугаем ее, – хихикнул Валька.

– Это уже интересно, – подхватила Шмакова.

Они разбежались кто куда.

Последней, не торопясь, встала за дерево Миронова.

А Маргарита Ивановна, не замечая никого, веселой походкой пересекла сквер и склонилась к окошку кассы речного пароходства.

Валька вышел из укрытия, неслышно подбежал к учительнице и громко крикнул:

– Здравсте, Маргарита Ивановна!

Маргарита Ивановна от неожиданности вздрогнула и оглянулась:

– А-а-а, это ты... Что у тебя за манера подкрадываться?

– А вы испугались? – спросил Валька. – Испугались, испугались... Ребята, Маргарита Ивановна испугалась, – паясничал он.

– Просто я задумалась, – ответила Маргарита Ивановна и неловко покраснела, то ли от обиды на Валькину бесцеремонность, то ли оттого, что она действительно испугалась, но не хотела в этом признаваться.

Ребята окружили ее, здороваясь.

– Какие вы все нарядные! – Маргарита Ивановна рассматривала их. – А Шмакова просто взрослая барышня.

– Маргарита Ивановна, а вам нравится мое платье? – пристала к ней Шмакова.

– Нравится, – ответила Маргарита Ивановна. – Кто тебе его сшил?

– Известно кто! – с восторгом вмешался в разговор Попов. – Моя мамаша.

– Под моим руководством, – сказала Шмакова и зло зашептала Попову: – Кто тебя за язык тянул?... А может, мне его из Москвы, из Дома моделей, привезли. «Моя мамаша... Моя мамаша...»

– А ты что же, Миронова, отстаешь от всех? – спросила Маргарита Ивановна.

– Я?... Тряпок не терплю. – Миронова с высокомерием посмотрела на своих друзей. – Извините, Маргарита Ивановна, мы опаздываем.

– А вы куда? – Маргарита Ивановна была несколько ошарашена резкостью Мироновой.

– К Сомову, – ответил за всех Рыжий. – Гуляем по случаю увядания.

– Передайте ему привет. Скажите, что я ему желаю... – Маргарита Ивановна задумалась. – Сомов человек незаурядный, не останавливается на достигнутом. В основном смел, прямодушен, надежный товарищ...

– В самую точку, Маргарита Ивановна, – проникновенно сказала Шмакова.

– Значит, я ему желаю...

– А вы опять куда-то уезжаете? – перебил Рыжий Маргариту Ивановну.

– Хочу показать мужу Поленово. Он же здесь еще не был нигде. А времени у него мало: ему возвращаться в Москву. – Маргарита Ивановна посмотрела на часы. – Ой!.. Убегаю. Да, чуть не забыла про Сомова... – И уже на ходу выкрикнула: – Пожелайте ему, чтобы он остался таким, какой он сейчас!.. Всю жизнь таким...

И исчезла.

– А с нами никак до Поленова не доберется... – начала Миронова, но последние слова замерли у нее на губах, потому что она увидела Ленку Бессольцеву.

Ленка остановилась как вкопанная. И ребята замерли в восторге.

– Перед нами исторический экспонат – Бессольцева! – Впервые губы Мироновой растянулись в сдержанную улыбку, а голос зазвенел: – Она пришла за билетом!.. Она уезжает!

Ленка резко повернулась ко всем спиной и подошла к кассе речного пароходства.

– Точно! – крикнул Лохматый. – Она уезжает!

– Сила победила! – радостно поддержал его Рыжий.

– А знаете, что мы ей посоветуем? – Миронова озарилась вдохновением: – Чтобы она запомнила наш урок на всю жизнь.

Валька, кривляясь, изгибаясь спиной, на цыпочках подбежал к Ленке и постучал костяшками пальцев по ее спине:

– Бессольцева, ты запомнила наш урок?

Ленка не отвечала. Она стояла не шелохнувшись.

– Не отвечает, – разочарованно сказал Валька. – Выходит, не запомнила.

– Может, оглохла? – пропищала Шмакова. – Так ты ее... встряхни.

Валька поднял кулак, чтобы садануть Ленку по ее тоненькой худенькой спине.

– А вот этого уже не надо, – остановила его Миронова, – ведь она уезжает. Значит, мы победили. Нам этого достаточно.

– Пусть катится, откуда приехала! – крикнул Рыжий.

И другие тоже заорали:

– Нам такие не нужны!

– Ябеда!

– Чу-че-ло-о-о! – Валька схватил Ленку за руку и втащил в круг ребят.

Они прыгали вокруг Ленки, плясали, паясничали и веселились, и каждый старался перещеголять другого:

– Чу-че-ло-о-о!

– Чу-че-ло-о-о!

– Ого-род-ное!

– Рот до ушей!

– Хоть завязочки пришей!

Крутился разноцветный круг, а Ленка металась внутри его.

В это время появился Николай Николаевич, увидел Ленку и ребят, прыгающих вокруг нее, и крикнул:

– Вы что к ней пристали? Вот я вас!..

– Заплаточник! – завопил Рыжий. – Атас!

Они бросились в разные стороны.

Только Миронова осталась на месте, даже не шелохнулась, бровью не повела. Слова ее были полны презрения ко всем остальным:

– Вы что, трусили?

Этот решительный окрик остановил ребят.

– Что же вы – шестеро на одного! – Голос Николая Николаевича звучал почти трагически. – И не стыдно вам?

– А чего нам стыдиться! – нахально вякнул Валька. – Мы ничего не украли. Все в законе.

– Вы лучше свою внучку стыдите! – сказала Миронова.

– Лену? – удивленно спросил Николай Николаевич. – За что?

Ленка резко повернулась к дедушке, и он увидел ее лицо: искаженное, словно ее больно ударили. Он уже хотел крикнуть этим детям, чтобы они замолчали, чтобы побыстрее ушли и оставили их вдвоем.

Но ему никто и не собирався ничего говорить, это было не в их правилах: посвящать взрослых в свои дела. Лишь Миронова твердо и весело сказала на ходу:

– У нее узнаете. Она вам все в красках расскажет.

Они скрылись. Только некоторое время в тихом и прозрачном осеннем воздухе были слышны их крики:

– Молодец Железная Кнопка!

– Не испугалась Заплаточника!

– Сила победила!

А потом и голоса пропали, растворяясь вдали.

А Ленка, бедная Ленка ткнулась Николаю Николаевичу лицом в грудь, чтобы спрятаться хотя бы на время от тех бед, которые свалились на нее, и притихла.

Его внучку дразнили Чучелом и так ее доконали, что она решила уехать, подумал Николай Николаевич и почувствовал, как ее беда больно ударила его в сердце: он всегда тяжело переносил чужие беды. Это было трудно для жизни, но он не хотел расставаться с этой привычкой, не бросал тяжелую, но дорогую ношу. И это была его жизнь и спасение. Так подумал в этот момент Николай Николаевич, а вслух сказал, чтобы успокоить Ленку:

– Ну что ты... – Он погладил ее мягкий нежный затылок. – Не обращай на них внимания. – Голос у Николая Николаевича дрогнул, выдавая волнение. – Учись у меня. Я всегда спокоен. Делаю свое дело – и спокоен. – Он почти крикнул с вызовом: – Ты слышала, они дразнили меня Заплаточником? Несчастные!.. Не понимают, что творят. – И вдруг тихо и нерешительно спросил: – А ты что сделала? За что они тебя так?

Ленка вырвалась из его рук и отвернулась.

«Не надо было у нее ничего спрашивать, не надо было», – подумал Николай Николаевич, но эти слова сами собой сорвались у него с языка. Ну что же она такое страшное сделала, что они оттолкнули ее от себя, презрели и гоняли, как зайца?...

– Ну ладно, ладно! – сказал Николай Николаевич. – Прости... Ты решила уехать – значит, тебе так надо. Я жил один... И дальше буду жить один. – Он помолчал, потому что смысл этих слов был ему неприятен. – Привык к тебе? Отвыкну...

Тут он по своей старой привычке нахохлился, как птица под дождем, и натянул козырек кепки на глаза.

– Все это для меня неожиданно, – продолжал Николай Николаевич. – Жили рядом, а я толком в тебе ничего не понял. Не проник в твою душу – вот что обидно.

Он полез в карман, достал потертый кошелек и долго копался в нем, ожидая, вдруг Ленка что-нибудь скажет, ну, например, что она передумала, что никуда не поедет и что он может спрятать свой кошелек обратно в карман. Он тянул время, тяжело вздыхал, но это ему не помогло – Ленка молчала.

– На, – сказал Николай Николаевич, протягивая Ленке деньги. – Купи два билета на завтра. Я провожу тебя до Москвы, до самолета.

– А я так хотела на сегодня! – печально вздохнула Ленка. – На сегодня! На сейчас!

– Но это безумие, – сопротивлялся Николай Николаевич. – Посмотри, какие ты взяла вещи. Где твои учебники? А пальто? Там же снег давно, сразу заработаешь ангину!

Он говорил, говорил, она его перебивала: «На сегодня, на сейчас!» – а он убеждал задержаться, хотя сам отлично понимал, что все его доводы полнейшая ерунда, а главное состояло в том, что ему страшно не хотелось, чтобы Ленка уезжала. И поэтому он оборвал свою речь на полуслове, наклонился к ней и признался просительным шепотом:

– Ну не могу я так сразу!.. Ну давай завтра.

Ленка выхватила деньги из рук Николая Николаевича.

– Ты слышала? Я согласен на завтра, – в последний раз попросил он.

Николай Николаевич озадачил Ленку – ее ли это дедушка говорит?

Она подняла глаза и увидела его спокойное, неподвижное лицо. Только тонкий жгутик шрама, идущий от виска к углу жестких, сухих, стариковских губ, предательски побелел, и потерянные глаза, спрятанные под козырьком кепки, выдавали его сильное волнение.

– А у тебя заплатка на рукаве оторвалась, – вдруг заметила Ленка.

– Надо пришить. – Николай Николаевич ощупал заплатку.

Ленка увидела, что шрам на дедушкином лице снова стал еле заметным, и сказала:

– Ты бы купил себе новое пальто.

– У меня на это нет денег, – ответил тот.

– Вот про тебя и говорят, что ты – жадина. – Ленка прикусила язык, но обидное слово уже выскочило, теперь его не поймает.

– Жадина? – Николай Николаевич громко рассмеялся. – Смешно. – Он с большим вниманием стал разглядывать свое пальто. – Ты думаешь, что в нем ходить совсем уже неприлично?... А знаешь, я это пальто люблю. В старых вещах есть что-то таинственное... Утром я надеваю пальто и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой много лет назад покупали его. Это она его выбирала... А ты говоришь – купи новое!..

Их взгляды опять встретились – нет, не встретились, а столкнулись, потому что каждый из них думал об отъезде.

– Ну ладно, – сказала Ленка, – поеду завтра. – И купила два билета.

Они пошли домой, сопровождаемые неизвестно откуда налетевшим дождем, омывающим сухую предзимнюю землю, – они даже не заметили, как он начался.

Когда они вошли в комнату, то в открытую форточку влетела музыка и крики ребят.

– У Сомовых гуляют. – Николай Николаевич спохватился, что сказал не то, и как бы невзначай закрыл форточку.

Но музыка и крики были так громки, что и затворенная форточка не спасала.

Тогда Николай Николаевич сел к пианино, что он делал чрезвычайно редко, и демонстративно открыл крышку.

– Ну что ты так смотришь на меня? – спросил он у Ленки, перехватив ее взгляд. – Меня почему-то потянуло к музыке. И нечего меня гипнотизировать.

Николай Николаевич заиграл громко и задиристо. Потом вдруг оборвал игру и молча, с немym укором посмотрел на Ленку.

– Не смотри на меня так! – не выдержала Ленка и крикнула: – Ну что ты один будешь тут делать?... Бери картины с собой, и поедem вместе!

– Что ты... Опомнись! – Николай Николаевич в волнении стал рассматривать картины, – Это невозможно. Они родились здесь... На этой земле... В этом городе... У этой реки... Здесь им вечно жить... Однажды во время войны я лежал в госпитале, и мне приснился сон, будто я мальчиком стою среди этих картин, а по ним солнечные зайчики бегают. Тогда я и решил: если останусь жив, навсегда вернусь в родной дом... Не сразу удалось, но все-таки добрался. А теперь мне кажется, что я и не уезжал, что я тут всегда... Ну, понимаешь, всегда-всегда... – Он как-то виновато и незащитно улыбнулся. – Многие сотни лет... Что моя жизнь – продолжение чьей-то другой... Или многих других... Честно тебе говорю. Иногда мне даже кажется, что не мой прапрадед написал все эти картины, а я... Что не мой дед был фельдшером и построил в городе первую больницу, а тоже я... Только одной тебе могу в этом признаться. Другие не поймут, а ты поймешь, как надо... А когда ты сюда приехала, я, старый дурак, размечтался, решил: и ты к родному месту прирастешь и проживешь здесь длинную череду лет среди этих картин. Пусть твои родители носятся по свету, а ты будешь жить в родном доме... Тоже всегда. Не вышло.

Николай Николаевич вдруг подошел к Ленке и решительно сказал:

– Послушай, давай кончим это дело. – Он старался говорить бодрым голосом. – Возвращайся в школу, и баста.

Ленка пулей отлетела от Николая Николаевича, схватила свой несчастный портфель и бросилась к двери. Николай Николаевич загородил ей дорогу.

– Отойди! – Такого остервенения в ее лице Николай Николаевич еще никогда не видел: губы и лицо у нее побелели как мел. – Лучше отойди!.. Кому говорят!.. – И бросила в него портфель – он просвистел мимо его уха и шмякнулся о стену.

Николай Николаевич с большим удивлением посмотрел на Ленку, отошел от двери и сел на диван.

Ленка постояла немного в нерешительности, вся сжалась, виновато опустила голову и робко села рядом с ним.

– А ты не сердись на меня... Ладно? – попросила она. – Не сердись. Просто я какая-то чумовая. Всегда что-нибудь не то делаю. – Ленка заглянула Николаю Николаевичу в глаза. – Ты простил меня? Простил?...

– Ничего я не простил, – сердито ответил Николай Николаевич.

– Нет, простил, простил! Я вижу по глазам, – обрадовалась она. – Я... увлеклась...

– Ничего себе «увлеклась», – ответил Николай Николаевич. – Родному деду чуть голову не снесла.

– А вот и неправда, – сказала Ленка.

Ее лицо вдруг так необыкновенно преобразилось, что Николай Николаевич тоже улыбнулся. Оно стало открытым и радостным, рот растянулся до ушей, щеки округлились.

– Я же мимо бросала!

И вдруг лицо ее снова изменилось, стало каким-то отчаянным.

– Только не перебивай меня. Ладно? А то я сорвусь и не смогу рассказать. А так я тебе все-все расскажу, всю правду, без хитрости.

– Хорошо, – обрадовался Николай Николаевич. – Ты успокойся и рассказывай... не спеша, подробно, так легче.

– Еще раз перебеешь – уйду! – Губы у Ленки подтянулись и глаза сузились. – Я теперь не то что раньше. Я – решительная. – И она начала рассказывать.

Глава пятая

– Когда я пришла в школу первый раз, то Маргарита, наша классная, позвала в учительскую Рыжего и велела ему отвести меня в класс. Мы шли с Рыжим по коридору, и я всю дорогу хотела с ним подружиться: перехватывала его взгляд и улыбалась ему. А он в ответ давился от хохота.

Конечно, у меня ведь дурацкая улыбка – до самых ушей. Поэтому и уши я тогда прятала под волосами.

Когда мы подошли к классу, Рыжий не выдержал, сорвался вперед, влетел в дверь и заорал:

«Ребята! У нас такая новенькая!...» – и зашелся хохотом.

Ну, после этого я застыла на месте. Можно сказать, одеревенела. Со мной так часто бывало.

Рыжий вылетел обратно, схватил меня за руку, втащил в класс и снова загоготал. И каждый на его месте сделал бы то же самое.

Может, я на его месте вообще умерла бы от хохота. Никто ведь не виноват, что я такая нескладная. Я и на Рыжего не обиделась и даже была ему благодарна, что он втащил меня.

Правда, как назло, я зацепилась ногой за дверь, врезалась в Рыжего, и мы оба рухнули на пол. Платье у меня задралось, портфель вылетел из рук.

Все, кто был в классе, окружили меня и с восторгом рассматривали. А я встала, и улыбочка снова растянула мой рот – не могу, когда меня в упор разглядывают.

Валька закричал:

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

Васильев засунул пальцы в рот, растянул губы, корчил страшные рожи и кричал:

«Я тоже так могу! У меня тоже рот до ушей, хоть завязочки пришей».

А Лохматый, давась от смеха, спросил:

«Ты чья такая?»

«Бессольцева я... Лена». – И я снова по-дурацки улыбнулась.

Рыжий в восторге закричал:

«Ребята!... Это же внучка Заплаточника!»

Ленка оборвала свой рассказ и покосилась на Николая Николаевича.

– Ты давай, давай, не смущайся, – сказал Николай Николаевич. – Я же тебе говорил, как я к этому отношусь. В высшей степени снисходительно и совсем не обижаюсь.

– Ну, а я-то об этом не знала, – продолжала Ленка. – И вообще про твое прозвище не знала... Ну, не была готова... «Мой дедушка, – говорю, – Заплаточник?... За что вы его так прозвали?...»

«А чего плохого? – ответил Лохматый. – Меня, например, зовут Лохматый. Рыжего – Рыжий. А твоего деда – Заплаточник. Звучно?»

«Звучно», – согласилась я.

Я подумала, что они веселые и любят пошутить.

«Значит, вы хорошо знаете моего дедушку?» – спросила я.

«А как же, – сказал Лохматый. – Он у нас знаменитый».

«Да, да... очень знаменитый, – подхватил Валька. – Как-то в личной беседе я спросил твоего дедушку, почему он не держит собак. И знаешь, что он мне ответил? „Я, – говорит, – не держу собак, чтобы не пугать людей“.

Я обрадовалась:

„Вот, – говорю, – здорово“.

И другие ребята тоже подхватили:

„Здорово, здорово!“

„Мы эти его слова всегда помним, – продолжал Валька, – когда яблоки в его саду... Ну, как это называется?...“

„Собираем“, – подхватил Рыжий.

Все почему-то снова захохотали.

Ленка вдруг замолчала и посмотрела на Николая Николаевича.

– Вот дура какая, – сказала она. – Только сейчас поняла, что они надо мной смеялись. – Ленка вся вытянулась, тоненькая, узенькая. – Мне надо было тогда тебя защитить... дедушка!

– Ерунда, – ответил Николай Николаевич. – Мне даже нравилось, что они у меня яблоки таскали. Я за ними часто подглядывал. Они шустро шли по саду, бегали пригнувшись, набивали яблоки за пазуху. У нас с ними была вроде как игра. Я делал вид, что не вижу их, а они с отчаянной храбростью таскали яблоки, можно сказать, рисковали жизнью, но знали, что им за это ничего не будет.

– Ты добрый! Я и тогда им ответила, что ты добрый.

А Попов сказал:

„Моя мамаша ему на пальто пришивала заплатки. Говорит: „Вы же отставной офицер. У вас пенсия. Вам неудобно с заплатками“. А он – это, значит, ты, дедушка: „У меня лишних денег нет“.

«Ну ты, Попов, даешь! – крикнул Рыжий. – Ты что же, думаешь, что он жадный?»

А Валька подхватил:

«Он жадный?! Он моей бабке за картину отвалил триста рублей. „Это, – говорит, – картина моего прапрапрапра...“»

Все развеселились и стали выдумывать, кто что мог:

«Бабушки!»

«Тетушки!»

И тут я стала хохотать. Правда, смешно, что они нашего прапрадедушку переделали в прабабушку и в пратетушку? – спросила Ленка у Николая Николаевича. – Хохочу я и хохочу, никак не могу остановиться. Я если хохочу, то обо всем забываю.

Ленка неожиданно коротко рассмеялась, будто колокольчик звякнул и упал в траву, и снова сжала губы.

– Это раньше я обо всем забывала, – поправилась Ленка и с угрозой добавила: – А теперь... – Она замолчала.

Николай Николаевич терпеливо ждал продолжения ее рассказа. Он дал себе слово не перебивать ее. Да и самому ему хотелось разобраться во всей этой истории. И слушать Ленку было легко, потому что переливы ее голоса, выражение глаз, которые то затухали, как облитые водой горящие угли, то вновь пламенно и неожиданно вспыхивали, завораживали его.

За всю свою долгую жизнь Николай Николаевич не видел подобного лица. От него веяло таинственной силой времени, как будто оно пришло к нему через века. Он это ощущал остро и постоянно.

А может быть, это чувство возникло у него после появления в доме «Машки»?

– Вообще-то я никогда бы не кончила смеяться, если бы не Валька, – снова заговорила Ленка. – Ему было смешно, что ты купил у его бабки картину за триста рублей.

«Бабка, – говорит, – от радости чуть не померла. Думала, получит двадцатку, а он ей триста!..»

Валька подбежал к доске и нарисовал квадрат, не больше портфеля.

«Вот за такую махонькую картинку – три сотни! – визжал Валька. – А на картинке была нарисована обыкновенная тетка с буханкой».

– «Женщина с караваем хлеба», – строго и многозначительно вставил Николай Николаевич.

– Я-то знаю, ты не волнуйся, я-то знаю все твои картины, – оправдывалась Ленка и продолжала.

«И еще передай своему деду, – закричал горластый Валька, – что мы его поздравляем, что у него такая внучка... Ну точно как он!»

«Они с Заплаточником – два сапога пара!» – вставил Рыжий.

А я почему-то подхватила:

«Правильно, мы с дедушкой два сапога пара!»

Николай Николаевич совершенно отчетливо представил себе, как Ленка, вероятно от растерянности, выкрикнула эти слова. И, как бы радуясь им, она подпрыгнула на месте и завертела головой, как попугайчик, и уголки губ у нее закрутились вверх. Ему нравилась ее беспомощная и открытая улыбка. А для них это потеха – и только.

Лохматый так и крикнул:

«По-те-ха! Ну и потешная ты, Бессольцева Лена!»

А Рыжий, разумеется, подхватил:

«Не потешная она. А чучело!»

«Огородное!» – захлебнулся от восторга Валька.

Конечно, они стали хохотать над Ленкой, выкаблучиваясь каждый на свой лад.

Кто хватался за живот, кто дрыгал ногами, кто выкрикивал: «Ой, больше не могу!»

А Ленка, открытая душа, решила, что они просто веселились, что они смеялись над ее словами, над ее шуткой, а не над нею самою.

Ленка заметила, что Николай Николаевич как-то подозрительно притаился, словно его что-то не устраивало в ее рассказе.

– Дедушка, ты меня не слушаешь? – спросила она дрогнувшим голосом. – А почему?

Николай Николаевич смущенно поднял на нее глаза, не зная, как поступить, – и правду ему говорить не хотелось, чтобы лишний раз не огорчать Ленку, и врать было трудно.

– Не отвечай! – Ленку как молнией пронзило: она обо всем догадалась. – Тебе меня жалко стало? Да? Они надо мной смеялись? Да?... Уже тогда? – Она жалобно улыбнулась: – Подумать только, а я не догадалась. Все приняла за чистую монету... Точно. Смеялись. Я вижу, вижу себя со стороны – ну просто я была какая-то дурочка... – И тихо добавила: – Правда, дурочка с мороза.

Вдруг она повернулась к Николаю Николаевичу всем корпусом, и он увидел ее большие печальные глаза.

– Дедушка! Милый! – Она схватила его за руку и поцеловала ее. – Прости меня!..

– За что? – не понял Николай Николаевич.

– За то, что я им верила, а они над тобой смеялись.

– Разве ты в этом виновата? – сказал Николай Николаевич. – Да и они не виноваты, что смеялись надо мной. Их можно только пожалеть и постараться им помочь.

– Может быть, ты их любишь? – Ленка с подозрением посмотрела на Николая Николаевича.

Тот ответил не сразу – помолчал, подумал, потом сказал:

– Конечно.

– И Вальку? – возмутилась Ленка. – И Рыжего, и Лохматого?!

– Каждого в отдельности – нет! – У Николая Николаевича от волнения перехватило горло, и он задохнулся. – А всех вместе – да, потому что они – люди!

– Если ты будешь психовать, – сказала Ленка, – то я перестану рассказывать.

– Да я не психую! – рассмеялся Николай Николаевич. – Подумаешь, даже задохнуться разок нельзя. А ты давай, давай дальше, я слушаю.

– Ну, в общем, когда Рыжий обозвал меня чучелом, – сказала Ленка, – то его кто-то сильно толкнул в спину... и я увидела впервые Димку Сомова... Знаешь, он меня сразу удивил. Глаза синие-синие, а волосы белые. И лицо строгое. И какой-то он весь таинственный, как «Уснувший мальчик».

А Рыжего он толкнул сильно, тот врезался в пузо верзилы Попова и бросился на Димку. Я хотела крикнуть, чтобы они не дрались из-за меня. Ну пусть я чучело, ну и что?... Но они уже сцепились.

Я зажмурилась. Я всегда так делала, когда начиналась драка. Я же тебе главного не сказала: я раньше трусихой была. Когда пугалась, то у меня отнимались ноги и руки. Пошевелиться не могла, как неживая.

Только драки никакой не вышло. Я услышала спокойный голос Димки:

«Сам ты чучело, и не огородное, а обыкновенно-рыжее».

Я открыла глаза. Оказалось, Димка одной рукой скрутил Рыжего и держал его крепко. А тот и не думал вырываться, скорчил рожу и крикнул:

«Я обыкновенно-рыжее чучело!»

Над ним все стали смеяться, и он сам над собой смеялся громче всех. Да ты же его видел, дедушка! – сказала Ленка. – Правда, он смешной?... Ну просто цирковой клоун – ему и парика не надо, он же от рождения рыжий!

В тот момент, когда мы смеялись над Рыжим, вбежала веселая Маргарита. В одной руке она держала классный журнал, а в другой – сверток в цветном полиэтиленовом мешочке.

«А, новенькая! – Она увидела меня. – Куда же тебя посадить?»

Она пошарила глазами по рядам парт... и забыла про меня, потому что девчонки обступили ее и спросили, правда ли, что она выходит замуж. Маргарита ответила, что правда, засияла от счастья, торопливо разорвала мешочек, вытащила коробку конфет, открыла и поставила на стол.

«От него?» – прошептала догадливая Шмакова.

«От него. – Маргарита еще больше расцвела. – Угощайтесь», – и сделала величественный жест рукой.

Все повскакали со своих мест и стали хватать эти конфеты и засовывать в рот. А Маргарита говорила:

«По одной! По одной! А то всем не хватит».

Я тоже схватила конфету.

А Шмакова сунула одну конфету в рот, а вторую отдала Димке. Ну и галдеж поднялся!

А девчонки забрасывали счастливую Маргариту вопросами:

«Маргарита Ивановна, а кто ваш муж?»

«А у вас есть его фотокарточка?»

«А он живет в Москве?»

И тут в дверях появилась Миронова.

Миронова у нас особенная: у нее очень сильная воля.

«Что вы тут шумите после звонка?» – спросила Миронова.

«Мы конфеты едим!» – крикнула Шмакова.

«Во время урока?» – ехидно заметила Миронова и прошла на свое место.

Шмакова протянула ей конфету:

«Возьми и успокойся. Сама опоздала и еще выставляется».

«Тихо! – сказала Маргарита. – Миронова права. По местам!»

И все пошли по своим местам, а про меня Маргарита так и не вспомнила, и я не знала, куда мне сесть, остановилась около Димки и уставилась на него. Ну, у меня привычка такая: если мне кто-нибудь нравится, то я смотрю на него, смотрю, хотя знаю, что это неловко. Он на меня раз посмотрел, второй, а потом спросил, что мне надо.

А я ляпнула:

«У тебя место свободное?»

«Занято».

Ну, думаю, влипла, сейчас он начнет надо мной смеяться. А он вдруг улыбнулся и спросил:

«А что?»

«Хотела сесть к тебе, – ответила я, а так как он все еще продолжал улыбаться, то во мне какая-то храбрость появилась от его доброты, и я сказала: – Ты же меня спас».

По-моему, ему мои слова понравились, потому что он сказал:

«Ну что ж, сейчас попробуем. – И громко крикнул: – Шмакова, новенькая твое место хочет занять!»

Шмакова услышала Димкины слова и здорово рассердилась. Она посмотрела в нашу сторону, потом медленно направилась к нам. Она приближалась, приближалась, и я видела, как у нее в глазах прыгали злые огоньки. Тут я испугалась. Я ведь не хотела, если место занято. А Шмакова подошла к нам, смерила меня презрительным взглядом и отвернулась. Конечно, она же красавица! А я? – Ленка безнадежно махнула рукой.

– Ты тоже хоть куда! – посчитал своим долгом вмешаться Николай Николаевич.

– Да брось ты меня успокаивать, – возмутилась Ленка. – Она же настоящая красавица! Платье у нее новенькое и сшито по фигуре. А у меня... какой-то маскировочный халат.

– Маскировочный халат?... – удивленно переспросил Николай Николаевич. – Это, пожалуй, моя вина. Я не учел, что платье должно быть по фигуре. Извини. – И почти выкрикнул: – Зато у тебя глаза вдохновенные! И сердце чистое. Это посильнее, чем платье по фигуре.

– Не хвали меня, пожалуйста, – сказала Ленка. – Я ведь плохая. Я на самом деле – предательница!.. Я это сейчас, сейчас поняла до самого доньшка.

Ленка замолчала. Николай Николаевич терпеливо ждал, когда она снова заговорит. В комнату в который раз ворвалась бесшабашная музыка: это все еще гуляли на дне рождения Димки Сомова. Они плясали, кричали, пели, а здесь, в доме у Бессольцевых, сидели два понурых человека, которые не знали, что им делать дальше и как им теперь жить.

– Ну, и что там произошло со Шмаковой? – прервал молчание Николай Николаевич.

– Со Шмаковой? – переспросила Ленка. – Ничего особенного не произошло – она уступила мне место. «Уступаю, – говорит, – тебе мое место с большим удовольствием. – И схватила портфель. – Мне, – говорит, – здесь надоело. Парта какая-то кособокая. И вообще я люблю перемену мест. Так что, Димочка, чао-какао! – А на прощание наконец посмотрела на меня, как будто только что заметила, презрительно фыркнула и тихо сказала: – Ну и чучело!»

Попов заорал, чтобы Шмакова села к нему, и та бросила ему портфель, а он его поймал, – вот с этого момента он стал ее рабом.

Тут Маргарита объявила, что наша школа едет на осенние каникулы на экскурсию в Москву.

«Значит, мы поедem вместе?» – выскочила догадливая Шмакова.

«Вместе, вместе. – Маргарита улыбнулась. – Так что берите у родителей деньги и приносите».

По этому поводу раздался такой вопль восторга, что Маргарита рассмеялась и зажала уши руками, чтобы не оглохнуть. Ну конечно же всем хотелось поехать на каникулы в Москву.

И я завопила, но потом осеклась, потому что Димка встретил это известие хладнокровно. А когда все замолчали, он вздохнул тяжело и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.